

Куда она ушла

Автор:

Гейл Форман

Куда она ушла

Гейл Форман

Если я останусь #2

Страшная катастрофа отняла у Мии всех близких людей и ее саму поставила перед выбором – остаться или уйти.

Она выбрала первое – осталась, потому что в забытьи слышала голос Адама, который просил ее не умирать.

Но как жить, если тех, кто был тебе дорог, уже нет рядом?

Как жить, если каждый день надо преодолевать боль?

Мия отдаляется от Адама – ей кажется, что проще было бы уйти вслед за родными.

Однажды Адам смог совершить чудо, вернув любимую к жизни.

В силах ли он совершить чудо второй раз и вернуть ее любовь?

Гейл Форман

Куда она ушла

Моим родителям с благодарностью за то, что говорили: «Ты сможешь».

Возможно, я когда-нибудь не вынесу страданий,

И не смогу платить по прошлому долгам,

И я тогда любовь твою продам,

И откажусь от всех воспоминаний,

Чтоб обрести в душе своей покой.

Но все же нет. Я не такой.

Из сонета XXX Эдны Сент-Винсент Миллей «Любовь не все: не пища, не питье».

Gayle Forman

WHERE SHE WENT

© 2009 by Gayle Forman

© Ю. Федорова, перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)
(<http://www.litres.ru/>)

Проснувшись утром, я говорю себе: «Всего один день, двадцать четыре часа, потерпи». И так каждое утро. Я не помню, ни когда именно начал подстегивать себя подобным образом, ни почему. Это похоже на мантру программы «12 шагов анонимных-кого-нибудь-там», хотя я не из них. Хотя, если почитать тот бред, что обо мне пишут, можно предположить и такое. Многие готовы продать почку, чтобы хоть ненадолго попасть на мое место. Но мне, тем не менее, приходится напоминать себе о том, что этот день не будет длиться вечно, что я пережил вчерашний, значит, протяну и этот.

После этого ежедневного ритуала я смотрю на минималистические электронные часы на тумбочке. 11:47 – в моем понимании жуткая рань. Но меня уже дважды пытались разбудить звонком со стойки регистрации, а кроме того, звонил и Алдус, наш менеджер, вежливый, но неуклонный. Даже если сегодняшний день один из многих, расписание все равно забито под завязку.

Мне надо в студию, наложить несколько последних гитарных треков на оригинальную версию первого сингла нашего только что вышедшего альбома, предназначенную строго для Интернета. Это фокус такой. Та же самая песня, но добавляем новую гитару, голосовые спецэффекты, и получаем несколько лишних баксов. «В наше время надо высасывать каждый доллар из всего, чего только можно», – любит напоминать нам звукозаписывающая компания.

Затем у меня интервью с репортером из «Шаффла». Собственно, эти два события являют основу моей теперешней жизни: писать музыку (это я люблю) и разглагольствовать о том, как я это делаю (а вот это я уже ненавижу). Но это две стороны одной медали. После второго звонка Алдуса я, наконец, скидываю одеяло и беру с тумбочки пузырек. Мне прописали какое-то лекарство от тревожности, когда я становлюсь нервным.

Хотя я все время нервный. К этому я уже привык. Но после того как началось это турне с тремя концертами в Мэдисон-сквер-гарден, все стало хуже. Как будто меня засасывает нечто мощное и болезненное. Водоворотобразное.

«Такое слово вообще есть?» – спрашиваю я сам себя.

«Да какая, к черту, разница, ты же все равно сам с собой разговариваешь», – отвечаю себе я, глотая пару таблеток. Надеваю трусы и иду к двери, за которой меня уже ждет полный кофейник. Там его оставили, следуя моим строгим

инструкциям не попадаться мне на глаза.

Допив кофе, я одеваюсь, спускаюсь по служебному лифту, выхожу через боковую дверь – менеджер, который занимается обслуживанием клиентов, по доброте душевной предоставил мне ключ, чтобы я мог избежать сцен в фойе. На улице первым меня приветствует порыв туманного нью-йоркского воздуха. Вообще, этот климат на меня давит, но мне нравится, что воздух влажный. Это напоминает мне Орегон с его бесконечным дождем, который не прекращается даже в самые жаркие дни лета, и белыми кучевыми облаками, которые цветками распускаются высоко в небе. Их тени постоянно напоминают тебе, что летняя жара – это ненадолго и что скоро в любом случае будет дождь.

Сейчас я живу в Лос-Анджелесе, где вообще практически не бывает дождя. И не прекращается жара. Но там сухо. И этой засухой люди оправдывают и пекло, и смог. «Ну и что, что сегодня сорок два градуса? Зато хоть не влажно!» – бахвалятся они.

А в Нью-Йорке и жарко, и влажно; и когда я добираюсь до студии, пройдя через десять перекрестков пустынных пятидесятих улиц на западе города, волосы под бейсболкой у меня уже все мокрые. Я достаю из кармана пачку сигарет и, вытащив одну, прикуриваю ее дрожащей рукой. Около года назад у меня появился легкий тремор. Проверив все мои анализы, врачи сказали, что со мной все в порядке – это просто нервы, и посоветовали заняться йогой.

Алдус ждет меня под навесом. Он смотрит на меня, на сигарету, потом снова мне в лицо. И по такому осмотру я понимаю, что он пытается решить, какую роль выбрать – плохого или хорошего полицейского. Наверное, я выгляжу совсем хреново, раз он склоняется к доброму.

– Доброе утро, солнышко, – радостно говорит Алдус.

– Да? И чего же в утре может быть доброго? – я стараюсь выдать это за шутку.

– На самом деле время уже послеобеденное. Мы опаздываем.

Я тушу сигарету. Алдус кладет мне на плечо свою громадную лапу, но касание какое-то неадекватно мягкое.

– Надо всего один трек на «Сахар» наложить, добавить чуток вот этого самого, ради чего поклонники будут готовы заплатить за него еще раз, – качая головой, наш менеджер сам смеется над тем, во что превратился музыкальный бизнес. – Потом обедаешь с репортером «Шаффла», а около пяти – фотосъемка для проекта «Фешн Рокс», который замутили «Таймс» вместе со всей группой. Потом выпьешь по паре коктейлей с денежными мешками на лейбле, после чего я еду в аэропорт. Завтра у тебя коротенькая встреча с публикой и раздача автографов. Побольше улыбайся, поменьше говори. А потом остаешься в одиночестве до Лондона.

«В одиночестве? А сейчас я типа в теплом семейном кругу?» – спрашиваю я. Но про себя. В последнее время мне вообще кажется, что я почти только сам с собой и разговариваю. Но с учетом того, что именно приходит мне в голову, наверное, это и хорошо.

Хотя в этот раз я действительно останусь один. Алдус и остальные ребята из группы летят в Англию. Я собирался с ними, пока не понял, что сегодня пятница, тринадцатое, так что я сказал – нет, на фиг! В меня это турне и так ужас вселяет, так что идея вылетать в общепризнанный неудачный день меня слишком нервирует. Поэтому я попросил Алдуса купить мне билет на следующий день. В Лондоне мы сначала снимем клип, затем пообщаемся с прессой и только потом поедем выступать по Европе, так что я концерт не пропущу – только предварительную беседу с режиссером клипа. Я все равно не хочу знать, как он «видит». Начнется съемка, и я буду делать все то, что он мне скажет.

Вслед за Алдусом я вхожу в студию и занимаю звукоизолированную кабину, в которой остаюсь наедине с несколькими гитарами. По ту сторону стекла сидят Стим, наш продюсер, и несколько звукотехников. Алдус идет к ним.

– Так, Адам, – начинает Стим, – нам нужен еще один трек для вставки и припев. Чтобы цепляло чуточку больше. А потом смикшируем с голосом.

– Чтоб цепляло. Покрепче. Понял, – я надеваю наушники, начинаю наигрывать мелодию, разогреваюсь. Стараюсь не замечать, что вопреки обещанию Алдуса я уже одинок. Один в звукоизолированной кабине. «Хватит, не выдумывай, – говорю я себе. – В хороших студиях все так записываются». Проблема только в том, что несколько дней назад я точно так же чувствовал себя и в Мэдисон-сквер-гарден. На сцене, перед которой собралось восемнадцать тысяч поклонников, рядом с людьми, которых я некогда считал семьей, мне было так

же одиноко, как и в этой кабинке.

Но могло быть и хуже. Я играю, пальцы порхают, я встаю и принимаюсь лупить по струнам, пока гитара не начинает кричать и повизгивать так, как мне хотелось. Ну, почти как хотелось. Собранные здесь инструменты стоят, наверное, сотню тысяч, но ни одна гитара не звучит так же хорошо, как мой старенький «Лес Пол Младший»[1 - Лестер Уильям Полсфусс (1915–2009) – американский гитарист-виртуоз, один из изобретателей электрогитары Gibson Les Paul, которая стала символом рок-музыки.], на котором я играл тысячу лет, без которого не записался бы наш первый альбом и который я в припадке идиотизма или спеси или чего там еще продал с аукциона в благотворительных целях. А все эти блестящие дорогие гитары, которыми я пытался его заменить, и в руках не так лежали, и звучали не совсем. Но все же, когда звук достигает полной мощи, мне удается забыть на секунду-другую.

Но заканчивается это забытьё слишком скоро, и вот уже Стим и звукотехники жмут мне руку, желают удачи на концертах, а Алдус выводит меня на улицу, сажает в «таун-кар» и мы мчим на Девятую авеню в Сохо, в отель, ресторан которого ребята из компании звукозаписи сочли подходящим местом для моего интервью. Интересно, они думают, что я меньше буду склонен к пафосным речам или не сболтну какой-нибудь гадости, если посадить меня в дорогом общественном месте? Помню, как еще в самом начале, когда эти интервью брали наши поклонники и блогеры, которых в первую очередь интересовал рок – то есть музыка, – они приглашали нас всех. И, как правило, интервью превращалось в обычный разговор, когда все высказывали свое мнение, стараясь друг друга перекричать. И я тогда не думал о том, что надо подбирать слова. Теперь же репортеры допрашивают меня и остальных по отдельности, как копы рассаживают сообщников по разным камерам и пытаются заставить их сдать друг друга.

Мне перед встречей хочется покурить, и мы с Алдусом стоим под слепящим полуденным солнцем, а вокруг собирается толпа людей, которые стараются пялиться на меня как можно незаметней. Этим Нью-Йорк отличается от всего остального мира. Везде охотятся за знаменитостями, но ньюйоркцы (ну, по крайней мере те, кто считает себя искушенным в этом вопросе и специально бродит туда-сюда по районам вроде этого), они делают вид, будто им на тебя плевать, даже когда они пялятся на тебя, прикрыв глаза солнцезащитными очками за три сотни баксов. А в адрес приезжих, нарушающих это правило, как, например, пара девчонок в футболках с символикой Мичиганского университета,

которые только что подбежали ко мне с просьбой дать автограф, они демонстрируют презрение. Увидев такое поведение, собравшиеся вокруг снобы закатили глаза и посмотрели на меня с сочувствием. Можно подумать, это девчонки мне досаждают.

- Тебе нужна маскировка получше, дикарь, - говорит Алдус после того, как фанатки, возбужденно хихикая, убегают. Я уже никому кроме него так меня называть не позволяю. Раньше этой кличкой, производной от моей фамилии, пользовались все. Но однажды я разгромил номер в отеле, после чего это прозвище переключалось в дешевую прессу и прочно там обосновалось.

Тут, словно по наводке, появляется какой-то фотограф. У дорогого отеля без этого дольше трех минут не прстоишь. «Адам! А Брен тут?» Наша фотка с Брен стоит раза в четыре дороже, чем я один. Но после первой же вспышки Алдус одной рукой загораживает объектив, а второй - мое лицо.

Потом он подталкивает меня ко входу и начинает готовить к беседе.

- Репортера зовут Ванесса Легран. Она не из тех старперов, которых ты ненавидишь. Молоденькая. Ну, не младше тебя, но, думаю, чуть старше двадцати. Раньше она вела блог, а потом ее купил «Шаффл».

- Какой блог? - перебиваю я. Алдус обычно не выдает мне подробностей о журналистах, если на то нет особой причины.

- Точно не знаю. Может, «Гэббер».

- Ал, так это же дерьмовый сайт, который только сплетни собирает.

- «Шаффл» не такой. Это эксклюзивная статья для обложки.

- Ладно. Неважно, - говорю я, толкая дверь. В ресторане расставлены низкие столики из стекла и металла и кожаные банкетки - я такое видел тысячу раз. Эти заведения так высоко себя ставят, а на самом деле тот же МакДоналдс, только излишне стилизованный и излишне дорогой.

– Вон она, в углу, блондинка с мелированием, – говорит Алдус. – Милашка. Хотя у тебя в них недостатка нет. Черт, только Брен не говори, что я так сказал. Вообще забудь. Я там, возле бара подожду.

Алдус что, останется? В целом интервью – дело пиарщиков, но я отказался от их сопровождения. Я, наверное, совсем странным им кажусь.

– Ты что, няней мне нанялся? – спрашиваю я.

– Да нет, просто подумал, вдруг тебе поддержка понадобится.

Ванесса Легран оказывается симпатичной. Может, точнее было бы сказать – сексапильной. Но это особого значения не имеет. Судя по тому, как она облизывает губы и убирает волосы, девушка об этом и сама знает, хотя это портит все впечатление. У нее по запястью ползет вытатуированная змея, и я готов спорить на наш платиновый альбом, что на пояснице у нее есть еще одна. И точно, когда она наклоняется к сумочке за цифровым диктофоном, из-под джинсов с низкой талией показывается стрелочка, указывающая вниз. Супер.

– Привет, Адам, – Ванесса смотрит на меня хитро, словно мы старые друзья. – Я признаюсь, что я большая поклонница. «Косвенный ущерб» сильно помог мне вынести последний год в колледже, когда мы с моим парнем расстались. Так что спасибо тебе, – говорит она с улыбкой.

– Гм, не за что.

– Так что теперь я хотела бы отблагодарить «Падающую звезду» самой зашибенской статьей, которая только ходила в печати. Поэтому давай с места в карьер, за самым интересным.

С места в карьер? Люди понимают хоть половину из того, что говорят? Ванесса, может, и старается изо всех сил быть дерзкой и бойкой, откровенничает, чтобы произвести впечатление «настоящей» и завоевать мою симпатию, но на что бы она ни пыталась меня поймать – меня не цепляет.

– Ага, – только ей и отвечаю.

Подходит официантка. Ванесса заказывает салат; я – пиво. Журналистка листает свой «молескин».

– Да, предполагается, что мы будем обсуждать «Кровопийцу-солнышко»... – начинает она.

Я сразу же хмурюсь. Именно так и должно быть. Ради этого я и пришел. А не друзей заводит. Не секретиками обмениваться. Это часть работы – продвигать альбом.

Ванесса заводит свою русалочью песню.

– Я ее слушаю уже несколько недель, хоть я вообще непостоянная, мне непросто угодить, – со смехом говорит она. Я слышу, как вдалеке откашливается Алдус, и перевожу взгляд на него. У него на лице широченная фальшивая улыбка, и он показывает мне большой палец. Выглядит это просто смешно. Я снова поворачиваюсь к Ванессе и выдавливаю улыбку. – Но теперь у вас вышел второй альбом, записанный во второй крупнейшей студии, звук стал жестче, и, думаю, мы все согласимся, что ваша индивидуальность уже устоялась, так что я хочу составить полное представление. И проследить эволюцию с того момента, как ваша эмокор-группа пустила побеги аджита-рока.

Пустила побеги аджита-рока? Этот вот напыщенный бред с самого начала выносил мне мозг. Насколько я знаю, я просто пишу песни: придумываю аккорды, ритм и текст, стихи, переходы, хуки. Но по мере того, как наша популярность росла, песни начали расчленять, как лягушек на уроке биологии, и режут до тех пор, пока не останутся одни кишки – крошечные кусочки, которые представляют собой куда меньше, чем их сумма.

Я слегка кривлю лицо, но Ванесса занята своими записями.

– Я послушала ваши самые ранние бутлеги[2 - Неофициальный релиз, подпольно выпущенный сборник или концертная запись.]. Они куда мягче, почти сладкие. А еще я прочла все, что про вас написали, во всех блогах, даже статьи из самодельных любительских журнальчиков. И почти все пишут о так называемой черной дыре «Падающей звезды», хотя никто не входит на ее территорию. У вас был релиз в стиле инди; успешный; вас перевели в лигу повыше, а потом пустота. Ходили слухи, что вы вообще развалились. А потом вдруг этот

«Косвенный ущерб». И та-да! – Ванесса изображает взрыв, разжимая кулаки.

Жест, конечно, преувеличенный, хотя не сказать, что совсем необоснованный. «Косвенный ущерб» вышел два года назад и уже через месяц сингл «Вдохни жизнь» прорвался в национальные чарты и начал распространяться, словно вирус. Мы еще шутили, что, какое радио ни включи, не пройдет часа, как услышишь эту песню. Потом так же резко во все хит-парады влетел и «Мост», а вскоре после этого уже весь альбом начал свой путь к первому месту на «айтюнз», поэтому все «Волмарты» страны забили им свои полки, а потом он вытеснил Леди Гагу с первого места чартов «Билборда». Казалось, что наш альбом есть на айпоне буквально каждого человека в возрасте от двадцати до двадцати четырех лет. И через несколько месяцев наша уже считай забытая группа из Орегона появилась на обложке журнала «Тайм» в роли «Нирваны» нового тысячелетия».

Но это все не новости. Обо всем этом писали, снова и снова, до отвращения, в том числе и в «Шаффле». Так что я не знаю, какие задачи ставит перед собой Ванесса.

– Все как будто думают, что звук в «Косвенном ущербе» стал жестче, потому что его продюссировал Гас Аллен.

– Да, – соглашаюсь я, – Гас любит потяжелее.

Ванесса делает маленький глоток воды. Я слышу, как звенит о стекло колечко в ее языке.

– Но ведь не Гас писал текст, из которого хлещет вся эта энергия. А ты. Именно в нем сила и эмоции. Такое ощущение, что «Косвенный ущерб» – самая грозная пластинка десятилетия.

– Подумать только, а мы хотели сделать самую веселую.

Ванесса смотрит на меня, сощурившись.

– Я имела в виду в хорошем смысле. Для многих, в том числе для меня, это было подобно катарсису. Вот что главное. Все знают, что во время вашей «черной

дыры» что-то случилось. Рано или поздно все тайное станет явным, так что не лучше ли держать ситуацию под контролем? «Косвенный ущерб» – это о ком? Что с вами произошло? С тобой?

Официантка приносит Ванессе салат. Я прошу еще одно пиво, а на ее вопрос не отвечаю. Я молчу, даже глаза не поднимаю. В одном Ванесса права. Мы держим ситуацию под контролем. Поначалу нам задавали этот вопрос постоянно, но мы отвечали расплывчато: какое-то время искали свой звук, писали песни. Но теперь группа обрела такую популярность, что наши пиарщики составили список табуированных тем для журналистов: отношения Лиз и Сары, мои с Брен, проблемы Майка с наркотиками, которые теперь уже в прошлом... и «черную дыру» «Падающей звезды». Но Ванесса, видимо, это распоряжение не получала. Я смотрю на Алдуса, в надежде что он мне поможет, но он увлечен какой-то беседой с барменом. Вот тебе и поддержка.

– Это про войну, – отвечаю я. – Мы уже объясняли эту тему.

– Ага, – говорит она, скривив лицо. – И все тексты у вас такие политические.

Ванесса смотрит на меня пристально, глаза у нее голубые, как у младенца. Это у газетчиков ход такой: создать неловкую паузу и ждать, когда собеседник начнет болтать, чтобы ее заполнить. Но со мной это не прокатывает. В гляделки я кого хочешь переиграю.

Внезапно ее взгляд становится жестким и холодным. Она резко убирает маску флирта и веселости и начинает смотреть на меня с твердой решимостью. Ванесса кажется голодной, но теперь она хотя бы стала самой собой.

– Адам, что тогда произошло? Я знаю, что там что-то есть, это история «Падающей звезды», и я хочу ее рассказать. Что сделало из группы, которая играла инди-поп, звезду жесткого рока?

Мне кишки как будто сдавило жестким и холодным кулаком.

– Была жизнь. И мы не сразу могли взяться за написание новых вещей...

– Ты не сразу мог, – перебила меня Ванесса. – Оба последних альбома написал ты.

Я лишь пожимаю плечами.

– Ну же, Адам! «Косвенный ущерб» – это твоя пластинка. И это шедевр. Ты должен им гордиться. И я знаю, что события, которые за ним стоят, на которых держится группа, это твоя история. Эта большая перемена, из инди-квартета, построенного на сотрудничестве, в эмоциональный панк, ведомый единственной звездой – это все твое достижение. Ну, ты же один выходил получать «Грэмми» за лучшую песню. Каково это было?

Дерьмово.

– На случай, если забыла, то лучшими новичками стала вся группа. Да и было это больше года назад.

Ванесса кивает.

– Слушай, я не хочу никого принизить или беречь раны. Я лишь пытаюсь понять, отчего такая перемена. В звуке. В текстах. В динамике группы, – она смотрит на меня со значением. – Все указывает на то, что катализатором этих перемен являешься ты.

– Нет никакого катализатора. Мы просто поэкспериментировали со звуком. Такое же постоянно происходит. Например, когда Дилан[3 - Имеется в виду музыкант Боб Дилан.] перешел на электрику. Или Лиз Фэр[4 - Американская рок-певица, автор-исполнитель, гитаристка.] ополсела. А окружающие всегда неадекватно реагируют, когда что-нибудь перестает соответствовать их ожиданиям.

– Я уверена, что этим дело не ограничивается, – продолжает Ванесса, с такой силой опираясь на стол, что он впивается мне в живот, вынуждая меня толкать его в обратную сторону – в прямом смысле.

– У тебя, очевидно, есть собственная теория, которой правда только мешает.

На короткий миг у нее вспыхивают глаза, отчего у меня создается ощущение, что я ее разозлил, но потом она поднимает руки. Ногти у нее обкусаны.

– Хочешь узнать эту мою теорию? – протяжно говорит Ванесса.

Не особо.

– Выкладывай.

– Я говорила кое с кем из твоей бывшей школы.

У меня замирает все тело, мягкая материя превращается в свинец. Мне приходится собрать все силы, чтобы поднести бокал к губам, делая вид, что пью.

– Я раньше и не знала, что ты учился в одной школе с Мией Холл, – продолжает Ванесса как ни в чем не бывало. – Знаешь такую? Виолончелистка. Она в своих кругах тоже довольно нашумела. Или как там это называется в мире классической музыки. Напиликала?

Бокал у меня в руке потряхивает. Опускать ее приходится при помощи другой руки – чтобы не облиться. «Никто из тех, кто на самом деле знает, что тогда случилось, ничего не скажет, – напоминаю себе я. – А слухи, даже правдивые, они как огонь: перекрыть доступ кислорода, и он потухнет».

– У нас в школе много внимания искусству уделяли. Удачная среда для размножения музыкантов, – поясняю я.

– Ну да, звучит логично, – Ванесса кивает. – Еще я краем уха прослышала, что вы с Мией в старших классах встречались. Странно, что об этом нигде не писали, мне кажется, это достойно упоминания.

У меня перед глазами встает ее образ. Семнадцатилетняя девушка, в темных глазах которой было столько любви, силы, страха, музыки, секса, волшебства и горя. Ее ледяные руки. Мои руки теперь такие же, поскольку я вцепился в бокал, полный воды со льдом.

– Было бы достойно, если было бы правдой, – я стараюсь контролировать голос. Сделав большой глоток воды, я машу официанту, прося еще одно пиво. Это будет уже третье, десерт моего состоящего исключительно из жидкостей обеда.

– Значит, неправда? – Ванесса настроена скептически.

– Это попытки выдать желаемое за действительное. Мы лишь едва знали друг друга по школе.

– Да, никто из тех, кто хорошо знал тебя или ее, этого не подтвердил. Но я нашла фотоальбом, в котором вы просто как сладкая парочка. Вы хорошо друг с другом смотрелись. Хотя там была подпись без имен. Так что, если не знать, как выглядит Мия, можно было бы и не придавать ей значения.

За это спасибо Ким Шейн – лучшей подруге Мии, папарацци и царице фотоальбомов. Мы не хотели, чтобы фотка туда попала, но Ким все равно ее вклеила, хотя и написала под ней не наши имена, а какую-то глупость.

– Крутышка и Зануда? – напоминает Ванесса. – У вас даже прозвище было.

– И ты что, считаешь школьный фотоальбом достойным источником информации? А дальше что? Википедия?

– На тебя точно вряд ли можно полагаться. Ты же сказал, что вы «едва» друг друга знали.

– Слушай, ну, может, мы и мутили недели три, когда и сделали эти фотки. Но я, вообще-то, в школе со многими встречался, – и я стараюсь изо всех сил изобразить улыбку плейбоя.

– И ты ее со школы не видел?

– С тех пор, как она в колледж уехала, – уж хотя бы это правда.

– А почему тогда все остальные ребята из группы отказались о ней вообще разговаривать? – спрашивает Ванесса, пристально глядя на меня.

«Потому что все хоть и катится под откос, мы до сих пор друг друга не предаем. Хотя бы в этом». Вслух я выдавливаю:

– Потому что и рассказывать нечего. Людям вроде тебя, наверное, хочется сделать из этого какой-то сериал, ну, типа, как будто два известных музыканта учились в одной школе и между ними что-то было.

– Людям вроде меня? – переспрашивает она.

Стервятникам. Кровососам. Похитителям душ.

– Журналистам. Вы же любите сказки.

– Ну а кто не любит? Хотя ее жизнь далеко не сказка. У нее вся семья в автокатастрофе погибла.

Ванесса изображает горе, как делают все, когда говорят о беде человека, с которым не имели ничего общего, о беде, которая их на самом деле не трогает и никогда уже не тронет. Я никогда в жизни не бил женщин, но сейчас мне хочется двинуть Ванессе прямо в лицо, чтобы она вкусила боли, которую живописует как ни в чем не бывало. Но я сдерживаюсь, и она, ничего не заметив, продолжает.

– К слову о сказках – вы с Брен Шредер ждете ребенка? На ее животике сосредоточено внимание всех таблоидов.

– Насколько мне известно, нет, – отвечаю я. Я, блин, совершенно уверен – Ванесса знает, что это тема запретная, но если тема предполагаемой беременности Брен ее отвлечет, то я согласен.

– «Насколько тебе известно»? Вы же не расстались?

Господи, эти ее голодные глаза. Она столько разглагольствует о том, чтобы написать правду, так старательно ее выпытывает, а на самом деле от остальных журналюг и преследователей с фотоаппаратами ничем не отличается, ей просто до смерти хочется оказаться первой, кто раскопает что-нибудь эдакое, будь это рождение ребенка («Неужели у Адама и Брен будут близнецы?») или смерть

(«Брен сообщила своему дикарю, что между ними все кончено!»). Хотя и то, и другое неправда, бывает так, что я вижу оба этих варианта в заголовках разных желтых газетенок одновременно.

Я вспоминаю наш дом в Лос-Анджелесе, в котором мы с Брен живем. Точнее сказать, она иногда живет, и я иногда живу. Я даже припомнить не могу, когда в последний раз мы с ней пересекались там больше, чем на неделю. Она снимает два-три фильма в год, а теперь еще и организовала собственную компанию. Брен занимается кино, ищет помещения для съемок, а я то в студии, то в турне, так что графики у нас не сходятся.

- Да, мы с Брен еще вместе, но она не беременна. Просто она полюбила эти крестьянские рубахи, а все думают, что она прячет живот. Но это не так.

Хотя, если честно, я иногда задумываюсь над тем, не нарочно ли она это делает, привлекает к себе внимание и заигрывает с судьбой. Она всерьез хочет ребенка. Хотя официально Брен двадцать четыре года, на самом деле – двадцать восемь, и она говорит, что часики тикают и все такое. Но мне всего двадцать один, и сошлись мы только год назад. И мне плевать на ее заверения, будто во мне старая душа и что пережитого мной хватило бы на долгие годы. Даже если бы мне был сорок один год и у нас было бы за спиной двадцать лет совместной жизни, ребенка от Брен я бы не хотел.

- Она в турне с вами едет?

Я начинаю задыхаться. Длительность турне – шестьдесят семь ночей. Шестьдесят семь. Я встряхиваю в своем воображении пузырек с таблетками, существование которого меня успокаивает, но я не настолько глуп, чтобы пить их при Ванессе.

- А? – переспрашиваю я.

- Брен едет с вами в турне?

Я представляю себе ее вместе с нами – и вместе со всеми ее стилистами, инструкторами по пилатесу, а также ее новым увлечением, сыроедением.

– Может быть.

– А в Лос-Анджелесе тебе нравится? Не производишь впечатление типичного калифорнийца.

– Там хоть жарко, но сухо, – отвечаю я.

– Что?

– Да ничего. Шутка просто.

– А. Да, – Ванесса смотрит на меня скептически. Я больше интервью с самим собой не читаю, но с тех времен, как читал, знаю, что применительно ко мне часто используют такие слова, как «непроницаемый». А еще «надменный». Интересно, люди действительно видят меня таким?

К счастью, время выходит. Ванесса закрывает блокнот и просит счет. Я замечаю, что и Алдус смотрит на меня с облегчением, радуясь, что мы закругляемся.

– Приятно было с тобой пообщаться, Адам.

– Ага, мне тоже, – лгу я.

– Должна сказать, что ты человек загадочный, – Ванесса одаривает меня неестественно белозубой улыбкой. – Но я загадки люблю. То же самое и в твоих стихах, во всех этих ужасных образах, которыми полон «Косвенный ущерб». Новый альбом тоже очень таинственный. Знаешь, некоторые критики задаются вопросом, окажется ли «Кровосос-солнышко» таким же ярким, как и «Косвенный ущерб»...

Я знаю, чего ждать. Я это уже слышал. Тоже журналистский ход. Цитируют чужое мнение, таким кривым образом подавая собственное. На самом деле она хочет спросить вот что: «Лучшее из твоих произведений рождено переживанием ужасной утраты. И каково тебе это осознавать?»

Я вдруг понимаю, что это уже перебор. Брен и все эти люди, ждущие ее беременности. Ванесса, раскопавшая мой школьный альбом. Ни для кого нет

ничего святого. Все пережевывается, как корм для скота. Моя жизнь принадлежит кому угодно, только не мне. Шестьдесят семь ночей. Шестьдесят семь, шестьдесят семь. Я с такой силой толкаю столик, что ей на колени со звоном падают бокалы с пивом и водой.

- Какого?..

- Интервью закончено, - рычу я.

- Это я знаю. Зачем ты злобу на мне срываешь?

- Потому что ты стервятница! На музыку насрать! Лишь бы расковырять что-нибудь.

У Ванессы забегали глаза, она принялась искать диктофон, чтобы снова его включить. Но я выхватываю его из рук, ударяю им по столу, он ломается, но я, на всякий случай, еще и окунаю его в воду. У меня трясется рука и неистово колотится сердце, я чувствую, как подступает одна из тех панических атак, во время которых я всякий раз искренне боюсь, что вот-вот сдохну.

- Что ты наделал?! - вопит Ванесса. - У меня другой копии нет!

- Вот и хорошо.

- И как я теперь статью напишу?

- Ты это статьей называешь?

- Да. Некоторым, знаешь ли, приходится на жизнь себе зарабатывать, козел психованный...

- Адам! - ко мне подскакивает Алдус и кладет на стол три сотни долларов. - Купишь новый, - говорит он Ванессе, выводит меня из ресторана и ловит такси. Еще одну сотню он выкидывает на водителя - тот начинает упрячиться, видя, в каком я состоянии. Алдус сует руку мне в карман, достает таблетки, кладет одну на ладонь и говорит: - Открой рот, - будто грубоватая мамаша.

Он ждет, когда я выкурю пару сигарет, по одной непрерывной затяжке на каждую, съем еще одну таблетку – к тому времени до отеля останется лишь пара перекрестков.

– Ну, что произошло?

Я рассказываю. Как она спрашивала о «черной дыре», о Брен и Мие.

– Не переживай. Можно связаться с «Шаффлом». Пригрозить отозвать их эксклюзивное интервью, если они не пришлют нового репортера. Это, может, и попадет в таблоиды или «Гэббер», но в разговоре не было ничего интересного, все угаснет через пару дней, забудется.

Алдус говорит обо всем этом так спокойно, типа «слушай, это же всего лишь рок-н-ролл», но по глазам я вижу, что он заволновался.

– Алдус, не могу.

– Не переживай. От тебя ничего и не требуется. Просто статья какая-то. Разберемся.

– Дело не только в этом. Я вообще ничего не могу.

Алдус, который, по-моему, со времен его тура с «Аэросмит» так ни разу толком не выспался, позволяет себе роскошь пару секунд выглядеть измученным. Но потом снова переходит в сердитый режим.

– Ты просто перенервничал перед турне. Почти со всеми бывает, – заверяет меня он. – Но как только все начнется, ты предстанешь перед толпой, и ее любовь, адреналин и музыка наполнят тебя энергией. Разумеется, в итоге ты будешь вымотан, но счастлив. А в ноябре, когда все закончится, поедешь расслабишься на каком-нибудь острове, где тебя никто не знает, где всем плевать на вашу «Падающую звезду». И на Адама-дикаря.

В ноябре? Сейчас только август. Еще три месяца. А турне продлится шестьдесят семь ночей. Шестьдесят семь. Я повторяю это в мыслях, словно мантру, хотя эффект от этого противоположный. Хочется волосы на себе рвать.

И как мне сказать Алдусу, да и всем остальным, что музыки, адреналина, любви, всего того, что помогло бы перенести эти трудности, у меня уже нет? Остался лишь водоворот. И я стою на самом его краю.

Я весь дрожу. Я теряю контроль над собой. Да, в сутках всего двадцать четыре часа, но иногда пережить их кажется куда сложнее, чем взобраться на Эверест.

2

Нить с иглой, плоть и кости,

Больно сердцу и уму,

Твои швы подобно звездам

Озарят мою тюрьму.

«Швы»

«Косвенный ущерб», трек № 7

Алдус прощается со мной возле отеля.

– Дружище, думаю, тебе просто нужно отойти от этого и остыть. Я отменю все встречи на сегодня и на завтра. Рейс в Лондон в семь, в аэропорту можно раньше пяти не появляться, – он смотрит на телефон. – Так что в твоём распоряжении больше двадцати четырех часов. Поверь мне, отдохнешь, и тебе станет куда лучше. Давай, оторвись.

Алдус смотрит на меня с расчетливым беспокойством. Мы друзья, но в то же время он несет за меня ответственность.

– Я свой рейс тоже перенесу, – объявляет он. – Полечу завтра с тобой.

Мне стыдно признаться, насколько я ему за это благодарен. Лететь высшим классом с группой не особое удовольствие, мы все сидим в своих роскошных кабинках, но, по крайней мере, мы вместе. А если полечу один, кто знает, кто окажется со мной по соседству? Однажды мне достался какой-то японский бизнесмен, который все десять часов рта не закрывал. Я предпочел бы, чтобы меня пересадили, но не захотел об этом просить, чтобы не выглядеть как чертов рок-музыкант, поэтому остался на своем месте и кивал головой, хотя и наполовину не понимал, что он там говорит. Но еще хуже, если на таком длинном рейсе остаешься совсем один.

Я знаю, что у Алдуса в Лондоне дел по горло. Если конкретно, то завтра группе придется встречаться с видеорежиссером без него, и это обернется очередным маленьким землетрясением. Ну и фиг с ним. Сейчас этих трещин уже так много, что и считать бессмысленно. К тому же Алдуса в этом никто не обвинит – достанется только мне.

Поэтому, если он задержится еще на день в Нью-Йорке, это меня многим обяжет. Но я все равно принимаю его предложение, хотя и реагирую очень сдержанно.

– Ну о'кей.

– Супер. А ты развейся. Я тебя одного оставляю, не буду даже звонить. Мне тебя отсюда забрать, или в аэропорту встретимся? – Остальные ребята живут в центре. После прошлого турне у нас вошло в привычку селиться в разных отелях, а Алдус дипломатично переезжает – то ко мне, то к ним. В этот раз он с ребятами.

– В аэропорту. Встретимся в фойе, – говорю я.

– Ну ладно. Закажу тебе машину на четыре. А до четырех отдохай, – он коротко жмет мне руку и так же коротко обнимает, потом садится в такси и мчится делать другие дела, может быть, чинить то, что я сегодня порушил.

Я же направляюсь к служебному входу и поднимаюсь в свой номер. Принимая душ, думаю, не поспать ли еще. Но в последнее время заснуть мне не помогает психофармакология, которой забита вся аптечка. С восемнадцатого этажа видно, как послеобеденное солнце окутало город теплой светящейся дымкой, отчего Нью-Йорк вдруг даже начинает казаться уютным, а вот в моем люксе

становится так жарко, что у меня начинается приступ клаустрофобии. Я надеваю чистые джинсы и свою черную счастливую футболку. Хотел приберечь ее на завтра, когда надо будет вылетать в турне, но мне начинает казаться, что удача понадобится уже прямо сейчас, так что ей придется как-то протянуть две смены.

Я включаю айфон. Пятьдесят девять новых писем и семнадцать голосовых сообщений, некоторые из них от наверняка уже взбесившихся пиарщиков нашего лейбла, а некоторые от Брен – она спрашивает, как прошла запись и интервью. Я мог бы ей позвонить, но какой смысл? Если я расскажу о встрече с Ванессой Легран, она расстроится из-за того, что я «потерял лицо» перед журналисткой. Брен пытается отучить меня от этой дурной привычки. Говорит, что каждая моя истерика в присутствии прессы лишь разжигает ее аппетит. «Адам, сиди перед ними с мрачным лицом, и о тебе перестанут так много писать», – советует она мне постоянно. Но если я признаюсь, почему именно так взбесился, то Брен, скорее всего, тоже потеряет лицо.

Я задумываюсь над рекомендацией Алдуса – отдохнуть от всего этого, выключаю телефон, швыряю его на прикроватную тумбочку. Беру кепку, темные очки, таблетки, кошелек и направляюсь к выходу. Иду по Коламбус-сёркл к Центральному парку. Мимо проносится пожарная машина с воющими сиренами. Почешу голову, не то умрешь. Даже не помню, от кого я узнал это детское суеверие, из-за которого надо чесаться всякий раз, когда услышишь этот звук, а не то следующая машина с сиреной приедет уже за тобой. Но помню, когда начал это делать – это у меня раз и навсегда вошло в привычку. Хотя на Манхэттене, где они режут почти не смолкая, она утомляет.

Время уже к вечеру, самая страшная жара позади, все как почувствовали, что выходить теперь безопасно, и на улицу вывалила целая толпа: кто устраивает пикник на траве, кто катает коляски по дорожкам, кто плавает на каноэ по заросшему лилиями озеру.

Мне хоть и нравится наблюдать за тем, как люди занимаются своим делом, я чувствую, что слишком долго держусь на виду. Не понимаю, как другие могут расслабляться на публике. Иногда я вижу фотки Брэда Питта с детишками в Центральном парке, как они качаются на качелях, например. Разумеется, он знает, что за ним следят папарацци, но все равно на этих фото будто самый обычный день из их семейной жизни. Хотя, может, и нет. Фотографии бывают обманчивы.

Думая обо всем этом, я иду мимо людей, наслаждающихся летним вечером, и начинаю чувствовать себя движущейся мишенью, хоть и натянул бейсболку на лоб как можно ниже, надел темные очки, а Брен рядом нет. Когда мы вместе, пройти незамеченными практически нереально. А я параноидально боюсь даже не того, что меня сфотографируют или окружит толпа охотников за автографами – хотя мне все-таки сейчас не хотелось бы иметь с ними дело, а что кто-нибудь начнет смеяться, что кроме меня в этом парке одиноких нет, хотя это, очевидно, не так. Но мне все равно кажется, что в любую секунду кто-нибудь будет тыкать в меня пальцем и потешаться надо мной.

Вот чем все обернулось? Во что я превратился? Ходячее противоречие самому себе? Я окружен людьми, и в то же время один. Я всех заверяю, что хочу хоть немного пожить нормально – так вот тебе возможность, а я и не знаю, как ей распорядиться. Я уже забыл, как живут обычные люди.

Я бреду в сторону Рэмбла, где наткнуться можно только на таких людей, которым тоже не хочется быть узанными. Покупаю пару хот-догов и, только проглотив их в один присест, понимаю, что не ел ничего целый день. Сами собой в памяти всплывают мысли об обеде и этой катастрофической встрече с Ванессой Легран.

– Ну и что это за поведение? Все, конечно, знают, что журналисты тебя бесят, но это была совсем дешевая выходка, – оправдываюсь я сам перед собой. – Я просто устал. Все запарило.

На ум приходят мысли о турне, и кажется, что поросшая мхом земля под ногами разверзается и уходит из-под ног.

Шестьдесят семь ночей. Я пытаюсь как-то примирить это с реальностью. Шестьдесят семь ночей – это ничто. Я пытаюсь разделить эту цифру, разбить ее на части, хоть как-нибудь ее уменьшить, но без остатка она ни на что не делится. Так что я кромсаю, как могу. Четырнадцать стран, тридцать девять городов, несколько сотен часов в автобусе. Но от всех этих вычислений водоворот только набирает скорость, и у меня начинает кружиться голова. Я хватаюсь рукой за дерево, ладонь скользит по коре, и мне вспоминается Орегон, и земля, на которой я только что твердо стоял, вновь ускользает.

Невольно вспоминается все, что я читал в молодости о зарвавшихся музыкантах – Моррисоне, Джоплин, Кобейне, Хендриксе. И мне тогда было противно. Добились того, чего хотели, а потом что? Уколоться и забыться? Или башку себе прострелить. Уроды.

Ну, а на себя теперь посмотри? Ты хоть и не наркоман, но немногим лучше.

Я и рад бы измениться, если бы мог, но пока, сколько я ни говорю себе заткнуться и получать удовольствие, ничего из этого не выходит. Если бы окружающие меня люди знали, что я чувствую, они бы надо мной посмеялись. Хотя нет. Брен не стала бы смеяться. Она офигела бы от моей неспособности купаться в лучах достигнутой славы.

Но разве я приложил к этому какие-то усилия? Мои родственники, Брен, да и остальные ребята из группы считают... ну, по крайней мере, раньше считали, что я это все каким-то образом заслужил и что слава и богатство являются платой за мои старания. Но я сам в это никогда по большому счету не верил. Карма – не банк. Сначала вкладываешь, потом снимаешь. Хотя теперь я уже начинаю подозревать, что это действительно плата мне за что-то – только в плохом смысле.

Хочу взять сигарету, но пачка пуста. Я встаю, отряхиваю джинсы, направляюсь к выходу из парка. Сияющий шар солнца начинает опускаться к Гудзону, превращая небо в коллаж персиковых и пурпурных полосок. Очень красиво, и я целую секунду заставляю себя испытывать восторг.

На Седьмой я сворачиваю на юг, останавливаюсь у палатки, покупаю сигареты, после чего направляюсь в сторону центра. Вернусь в отель, закажу чего-нибудь в номер, потом, может, в кои-то веки пораньше усну. Возле Карнеги-холла[5 - Концертный зал в Нью-Йорке, одна из самых престижных площадок для исполнения классической или, например, джазовой музыки.] собралось много такси – люди пришли на какой-то концерт. Из одной машины выходит пожилая женщина на высоких каблуках и в жемчугах, сгорбленный спутник в смокинге держит ее под локоть. Я смотрю, как они ковыляют, и в груди у меня снова что-то сжимается. «Посмотри на закат, – приказываю себе я. – Посмотри на что-нибудь красивое». Но небо уже потемнело и теперь похоже на синяк.

«Козел психованный». Так меня та журналистка назвала. Она сама, конечно, не подарок, но в этом права.

Я снова опускаю взгляд и вижу ее глаза. Не так, как это было раньше – за любым поворотом, внутренним взором, даже когда глаза закрыты, утром каждого дня. И не так, как когда я пытался увидеть их в глазах каждой другой девчонки, с которой спал. Нет, на этот раз это действительно ее глаза. На фотографии она в черном, на одном плече лежит виолончель, словно уставший ребенок. Волосы собраны в пучок, кажется, для исполнителей классической музыки это обязательно. Такую же прическу Мия делала на концерты в актовом и камерных залах, оставляя несколько прядей на свободе, чтобы не выглядело слишком строго. Хотя на этом снимке их нет. Я всматриваюсь в надпись. СЕРИЯ «ЮНЫЕ ДАРОВАНИЯ»: МИЯ ХОЛЛ.

Около месяца назад Лиз нарушила правило хоть как-то обсуждать Мию и прислала мне вырезку из журнала «Все о нас», приклеив на нее записку: «Думаю, ты должен это увидеть». Это оказалась статья с названием: «Двадцать моложе двадцати», рассказывающая о восходящих звездах-вундеркиндах. Мие тоже посвятили страницу, даже фотографию, на которую я тогда еле заставил себя посмотреть, да и сам текст смог лишь пробежать по диагонали после нескольких минут подготовки с глубоким дыханием. Там ее называли «преемницей Йо-Йо Ма» [6 - Йо-Йо Ма (р. 1955) – американский виолончелист китайского происхождения.]. Я нехотя улыбнулся. Мия говорила, что люди, ничего не знающие об этом инструменте, обо всех молодых виолончелистах говорят как о «следующем Йо-Йо Ма», поскольку больше им сказать нечего. «А как же, например, Жаклин Дю Пре?» – заговаривая на эту тему, Мия всегда упоминала своего кумира, талантливую и темпераментную виолончелистку, которую в возрасте двадцати восьми лет поразил множественный склероз, а через пятнадцать лет она скончалась.

В той же статье говорилось, что Мия играет «божественно», после чего живописалась катастрофа, в которой более трех лет назад погибли ее родители и братишка. Это меня очень удивило. Мия об этом никогда не рассказывала, не набивалась на сочувствие. Но когда я заставил себя еще раз перечитать текст, понял, что информация поступила не от нее и там были лишь собраны цитаты из старых газетных статей, посвященных этому событию.

Несколько дней я носил эту вырезку с собой, время от времени доставал и пробегал текст глазами. Чувство при этом было такое, словно я таскаю в

кармане пробирку плутония. Если бы Брен увидела у меня фотографию Мии, неминуемо случился бы ядерный взрыв. Так что еще через несколько дней я заставил себя ее выбросить и забыть об этом.

И вот теперь пытаюсь вспомнить, говорилось ли там о том, что Мия ушла из Джульярда[7 - Джульярдская школа – одно из крупнейших американских высших учебных заведений в области искусства и музыки. Расположена в Нью-Йорке.] и начала давать концерты в Карнеги-холле.

Я снова вглядываюсь в ее глаза, которые все так же пристально смотрят на меня. И я совершенно не сомневаюсь, что она выступает именно сегодня. Я был уверен в этом еще раньше, чем увидел дату на постере – 13 августа.

И даже не соображая, что делаю, не успев ничего обдумать, осознать, насколько моя идея ужасна, я направляюсь к кассе. «Не хочу ее видеть, – говорю себе я. – Но я и не увижу. Только послушаю». Оказывается, что все билеты распроданы. Я мог бы сказать им, кто я такой, либо же позвонить консьержу отеля или Алдусу, чтобы они постарались достать мне билет, но я вместо этого решаю предоставить все судьбе. Я в скромном обличье, не представившись, спрашиваю, не осталось ли свободных мест.

– Как раз вбросили новые билеты. Есть боковой бельэтаж, сзади. Видно оттуда не особо... Но ничего лучше нет, – говорит мне девушка из-за стекла.

– Так я и не смотреть пришел, – отвечаю я.

– Вот и я так же думаю, – соглашается она, смеясь. – Но люди нынче требовательные. Двадцать пять долларов.

Я расплачиваюсь кредиткой и вхожу в прохладный темный зал. Заняв свое место, я закрываю глаза, вспоминая, когда в последний раз был на таком крутом виолончельном концерте. Это было пять лет назад, на нашем первом свидании. И точно как и тогда, я весь сгораю от нетерпения, хотя и знаю, что сегодня, в отличие от прошлого раза, я ее не поцелую. И не дотронусь. И даже близко не подойду.

Сегодня я буду просто слушать. И этого мне будет достаточно.

Через четыре дня Мия пришла в сознание, но сказали мы ей только на шестой день. Хотя она как будто уже все знала. Мы сидели вокруг ее больничной кровати. Ее неразговорчивый дед будто бы вытянул короткую соломинку – именно на его долю выпала задача сказать Мие, что ее родители, Кэт с Дэнни, погибли в катастрофе, из-за которой она сама попала в реанимацию. А младший брат Тэдди умер в неотложке ближайшей больницы, в которой находилась и сама Мия до того, как ее перевезли в Портленд. Что послужило причиной аварии, никто не знал. Спросили, помнит ли об этом хоть что-нибудь сама Мия.

Она лежала, хлопала глазами, держа меня за руку, так крепко впившись в меня ногтями, что, казалось, она уже никогда меня не отпустит. Потом Мия замотала головой, тихонько приговаривая: «нет, нет, нет». Это длилось очень долго, но слез не было, и я не мог понять, она отвечает на вопрос деда или просто пытается отрицать случившееся. Нет!

Но потом пришла социальный работник и взялась за дело всерьез. Она рассказала Мие о сделанных ей операциях: «Они лишь подготовительные, надо было стабилизировать твое состояние, но держись ты прекрасно», – после чего перечислила список операций, предстоявших в ближайшие месяцы: сначала надо поставить металлические штыри в ногу, чтобы восстановить кость. Где-то через неделю – взять кожу с бедра здоровой ноги. Затем пересадить ее на пострадавшую ногу. К сожалению, после этого останутся «некрасивые шрамы». Зато пластические хирурги смогут практически полностью восстановить лицо – где-то через год.

– После того, как обязательные операции будут закончены, если, конечно, не возникнет осложнений – инфекций после спленэктомии, воспаления легких или чего с ногами, тебя выпишут из больницы в реабилитационный центр, – сказала соцработник. – Через несколько дней оценим, в каком состоянии находится твоя физиология, речь, что ты сможешь делать и так далее.

У меня от этой литании закружилась голова, но Мия как будто бы слушала каждое слово, словно подробности рассказа об этих операциях интересовали ее больше, чем новости о погибших родственниках.

Через несколько часов в тот же день соцработник отвела нас всех в сторонку. Нас – то есть ее бабушку с дедушкой и меня – обеспокоила реакция Мии, точнее, ее отсутствие. Мы ждали, что она будет кричать, рвать на себе волосы, сделает что-нибудь резкое, соответствующее масштабу этих ужасных новостей, нашему собственному горю. А ее ужасающее спокойствие заставило нас всех думать об одном: что она повредилась рассудком.

– Нет, дело совсем не в этом, – поспешила заверить нас соцработник. – Мозг – инструмент тонкий, так что повреждение некоторых регионов может обнаружиться только через несколько недель, но молодые обычно быстро восстанавливаются. На данный момент прогнозы неврологов довольно оптимистичные. Регуляция моторики у нее в целом хорошая. Речевые способности тоже вроде бы не пострадали. Хотя в правой половине тела она испытывает слабость и есть сложности с сохранением равновесия. Но если на этом проблемы заканчиваются, то девушке, считай, повезло.

Слово «повезло» заставляет нас всех поежиться. Соцработник заметила выражения наших лиц.

– Очень повезло, поскольку все это обратимо. Что касается происходящего, – она указала на палату, – то такая реакция является стандартной при столь серьезных психологических травмах. Мозг сразу со всем справиться не может, так что информация фильтруется и переваривается потихоньку. Мия осознает случившееся, но ей нужна будет помощь.

Соцработник поведала нам о стадиях переживания горя, вручила памфлеты на тему посттравматического стресса, порекомендовала записать Мию к больничному психологу, который специализируется на подобных утратах.

– Возможно, вам всем это тоже окажется полезным, – добавила она.

Мы ее не послушали. Бабушка и дедушка Мии в психотерапию не верили, а я на первое место ставил интересы Мии, а не собственные.

К новому циклу операций приступили почти сразу – это показалось мне жестоким. Мия только недавно балансировала на грани жизни и смерти, только-только пришла в сознание, ей только-только сообщили, что все ее родственники

погибли – и сразу же снова положили под нож. Неужели нельзя было дать человеку отдохнуть? Но соцработник объяснила, что чем скорее вылечат ногу, тем скорее Мия сможет двигаться, соответственно, тем скорее пойдет на поправку. Так что ей воткнули штыри в бедро, сняли кожу для пересадки. И со скоростью, от которой у меня перехватывало дух, выписали из больницы и перевели в реабилитационный центр, похожий на обычный дом на несколько квартир. Участок пересекали дорожки, и когда Мию туда привезли (а было это весной), там начинали распускаться цветы.

Всего через несколько дней, которые мы пережили с большим трудом, скрипя зубами, пришел конверт.

Из Джулиарда. Раньше мне столько всего в этом виделось. Преждевременное решение. Повод для гордости. Соперничество. А потом я про это забыл. Думаю, и все остальные – тоже. Но жизнь за пределами реабилитационного центра шла своим чередом, и где-то там, в другом мире, продолжала существовать другая Мия – с родителями, братом и невредимым телом. И в том другом мире какие-то эксперты послушали ее игру, записанную несколькими месяцами ранее, рассмотрели ее заявку, через несколько этапов было вынесено окончательное решение, и вот оно достигло нас. Бабушка Мии слишком разнервничалась и не смогла раскрыть конверт, так что она дождалась нас и только тогда взрезала его перламутровым ножом для писем.

Мия прошла. Но разве у кого-то были хоть какие-то сомнения?

Мы все думали, что она обрадуется, что это станет ярким пятном на горизонте ее мрачной жизни.

– Я уже поговорила с деканом, объяснила, что случилось, и они позволили тебе начать через год или даже два, если потребуется, – сказала бабушка, рассказывая Мие новости, в том числе о том, какую щедрую стипендию ей назначили. Это Джулиард предложил отсрочку, поскольку им было важно, чтобы Мия соответствовала их строгим стандартам, если решит пойти к ним учиться.

– Нет, – сказала Мия, сидя в центре нагоняющего тоску общего зала, тем убийственно ровным тоном, который появился у нее после этого несчастного случая. Никто не мог понять, с чем это было связано – с эмоциональным потрясением или все же у нее в мозгу произошли какие-то изменения и она

теперь так разговаривает. И хотя соцработник не переставала нас подбадривать, а терапевт высоко оценивал скорость ее восстановления, мы все равно беспокоились. Эти вопросы мы обсуждали вполголоса в те вечера, когда мне не удавалось тайком остаться с ней на ночь.

– Не спеши, – ответила бабушка. – Через год-другой все будет выглядеть иначе. Может, и желание вернется.

Она думала, что Мия отказывается ехать в Джулиард. Но я все понял. Я хорошо понимал Мию. Она отказывалась от отсрочки.

Бабушка начала спорить. До сентября оставалось пять месяцев. Это слишком скоро. И в какой-то мере она была права, нога у Мии еще в полном гипсе, она только едва начала ходить. Из-за слабости в правой руке она даже банку не могла открыть, а зачастую ей не удавалось вспомнить названия простейших вещей, типа ножниц. Терапевт говорила, что всего этого следовало ожидать, и что, вероятнее всего, это пройдет... в свое время. Но пять месяцев? Это не так-то много.

В тот же вечер Мия попросила принести виолончель. Бабушка была недовольна: боялась, что такое своеобразие может помешать восстановлению. Но я сразу же сорвался с места, бросился к машине, и после заката виолончель была уже у нее.

И с того момента она стала ее основной терапией: и для тела, и для души, и для разума. Врачи изумлялись, насколько сильна верхняя половина ее тела – старая преподавательница Мии, профессор Кристи, даже называла это «телом виолончелистки»: широкие плечи, мускулистые руки. И теперь за счет игры она вновь обрела силы, так что и слабость правой руки ушла, и нога начала восстанавливаться. Виолончель избавила ее и от головокружений. Мия играла с закрытыми глазами: по ее словам, необходимость твердо упираться в пол обеими ногами помогла ей побороть проблему с равновесием. В то же время по музыке стали видны ошибки, которые она пыталась скрыть в повседневной жизни. Например, если ей хотелось колы, но не удавалось вспомнить нужное слово, то Мия просила апельсинового сока. А тут она честно признавала, что помнит сюиту Баха, зато забыла простой, выученный в детстве этюд; хотя когда профессор Кристи, которая приходила поработать с ней раз в неделю, сыграла ей этот этюд, Мия потом сразу же смогла его повторить. Таким образом терапевты и неврологи поняли, как именно пострадал ее мозг, и внесли необходимые поправки в лечение.

Но самое главное – игра улучшала ее настроение. Она знала, чем заниматься каждый день. И говорила она уже не так монотонно, а как прежняя Мия, по крайней мере, когда речь заходила о музыке. График процедур в реабилитационном центре тоже изменили, чтобы она могла как можно больше репетировать.

– Мы в целом не знаем, каким образом музыка оказывает целительное воздействие на мозг, – сказал мне однажды один из ее неврологов, когда Мия играла в общем зале для остальных пациентов. – Но ведь так и есть. Ты только посмотри на нее.

Через четыре недели Мия выписалась из реабилитационного центра, на две недели раньше запланированного срока. К этому времени она уже могла ходить с тростью, открывать банки с арахисовым маслом и офигенно исполнять Бетховена.

Я все-таки запомнил кое-что из той статьи, «Двадцать моложе двадцати», которую прислала мне Лиз. Там не то чтобы намекалось, а прямо утверждалось, что «божественная» игра Мии связана с ее «трагедией». Помню, как это вывело меня из себя. Я почему-то счел это оскорбительным. Как будто ее талант можно списать лишь на какие-то сверхъестественные силы. Интересно, они что, воображают, будто погибшие родственники Мии входят в ее тело и играют ее пальцами свою музыку поднебесья?

Хотя, вообще-то, в случившемся действительно было что-то не от мира сего. Я это знаю, потому что я там присутствовал. Я стал свидетелем, как Мия превратилась из талантливой девочки в нечто уже совершенно иное. За эти пять месяцев произошло какое-то магическое и фантастическое преобразование. Так что да, это даже связано с ее «трагедией», но Мия для этого немало пахала. Как и всегда.

Она уехала в Джулиард после Дня труда[8 - День труда празднуется в США в первый понедельник сентября.]. Я отвез ее в аэропорт. Мия поцеловала меня на прощанье. Сказала, что любит меня больше жизни. А потом ушла.

И уже не вернулась.

4

Смычок состарился —

его пора менять,

Да в общем, как и нас с тобой.

Так почему же отсрочили казнь?

Хочется уши прикрыть

от шума оваций.

«Пыль»

«Косвенный ущерб», трек № 9

Когда концерт заканчивается и включается свет, я уже совсем без сил, и мне так плохо, как будто из меня выпустили всю кровь и заменили ее дегтем. Когда стихают аплодисменты, мои соседи поднимаются, обсуждая концерт, красоту Баха, мрачность Элгара[9 - Эдуард Уильям Элгар (1857-1934) - английский композитор романтического направления.], риск - оправдавшийся - вставить в программу современное произведение Джона Кейджа[10 - Джон Милтон Кейдж (1912-1992) - американский композитор, философ, поэт, музыковед, художник.]. Но вообще все вокруг поглощены Дворжаком, и я понимаю почему.

Когда Мия играла на виолончели, по всему ее телу всегда было видно, насколько она сконцентрирована: на лбу проступала глубокая складка, а губы сжимались в таком напряжении, что становились совсем бледными, словно вся кровь перетекла в руки.

Нечто похожее я увидел и сегодня в самом начале концерта. Но когда она дошла до последнего пункта программы, Дворжака, на нее словно что-то нашло. Не знаю, может, Мия поймала волну или это ее коронный номер, но вместо того, чтобы согнуться над виолончелью, ее тело словно расширилось, расцвело, и музыка опутала весь зал, как цветущий виноградник. Взмахи смычка были широкими, радостными и дерзкими, звук буквально транслировал живую эмоцию, и весь зал словно закружился согласно замыслу композитора. А у самой Мии при этом было такое лицо: взгляд направлен вверх, на губах играет легкая улыбка, и не знаю, как можно описать это, не прибегнув к затасканным музыкальными журналами фразам вроде «она и музыка были единым целым». Может, она просто была счастлива. Я всегда знал, что Мия способна на такую выразительность, но когда я увидел это своими глазами, мне напрочь снесло крышу. Мне да и всей остальной аудитории тоже – судя по грому аплодисментов.

В зрительном зале тоже включили яркий свет – он отражается от стульев из светлого дерева и геометрического узора деревянных панелей на стенах. Мне кажется, что пол уплывает из-под ног. Я снова падаю в ближайшее кресло, стараясь изо всех сил не думать об этом Дворжаке... Да и обо всем остальном тоже: как она вытирала руку о юбку между композициями, как кивала головой в такт какому-то невидимому оркестру – все эти жесты мне так хорошо знакомы.

Вцепившись в кресло перед собой, чтобы не терять равновесия, я снова встаю и проверяю, можно ли доверять ногам, тверда ли под ними земля, а потом веду себя шаг за шагом к выходу. Я измотан и разбит. Теперь я хочу лишь одного: добраться до отеля, принять пару-тройку таблеток (Эмбиен, Лунесту или Зэнакс или что там еще найдется в аптечке) и положить конец этому дню. Я хочу уснуть, а потом проснуться, и чтобы ничего этого не было.

– Мистер Уайлд.

Я обычно в закрытых пространствах испытываю страх, но мне казалось, что уж на концерте классической музыки в Карнеги-холле буду в безопасности. Во время выступления да и в антракте на меня никто не смотрел, разве что пара старых склочниц, и то я подумал, что их просто привели в ужас мои джинсы. А этот парень примерно мой ровесник; он билетер и в радиусе пятнадцати метров единственный человек моложе тридцати пяти, так что вряд ли у кого-то кроме него тут может оказаться альбом «Падающей звезды».

Я лезу в карман за ручкой, хотя у меня ее нет. Билетер как будто смущается и начинает одновременно качать головой и махать руками.

– Нет-нет, мистер Уайлд, автограф мне не нужен, – и добавляет шепотом, – вообще-то это даже против правил, меня за такое могут уволить.

– А, – я прихожу в себя и тоже смущаюсь, соображая, не отругают ли меня сейчас за то, что я одет неподобающе.

Он продолжает.

– Мисс Холл просила вас пройти за кулисы.

В зале стоит гул и вообще довольно шумно, и я поначалу думаю, что не так расслышал. Мне показалось, что билетер говорит про нее. Но такого не может быть. Наверное, кто-то из Карнеги-холла меня позвал, а не Мия Холл.

Но уточнить я не успеваю, он уже ведет меня за локоть к лестнице, потом мы пересекаем фойе, и билетер проводит меня в небольшую дверцу возле сцены, мы петляем по лабиринту коридоров, стены которых увешаны нотами в рамках. Я позволяю ему мной руководить. Вспоминая, как в десять лет меня повели к директору за то, что бросил в классе наполненный водой воздушный шарик, и я тупо шагал за миссис Линден по коридору и гадал, что же ждет меня в кабинете. Вот и сейчас такое же чувство. Как будто я провинился и попал в неприятности, что Алдус не отдыхать меня сюда прислал и что сейчас меня отчитают за то, что пропустил фотосъемку, или разозлил журналистку, или за то, что я одиночка, иду против всех и могу развалить группу.

В общем, я даже не пытаюсь переварить происходящее, не позволяю себе услышать сказанное, поверить в это, подумать о предстоящем до тех пор, пока меня не вводят в небольшую комнатку, открыв и закрыв дверь. И вот передо мной она. Настоящая. Человек из плоти и крови, не призрак.

Мое первое желание – не схватить ее, не обнять и не крикнуть. Вместо этого просто хочется коснуться ее еще раскрасневшейся после игры щеки. Хочется преодолеть разделяющее нас пространство, которое можно измерить сантиметрами – а не километрами, не континентами, не годами, – и коснуться мозолистым пальцем ее лица. Хочется ее потрогать, чтобы убедиться, что это

действительно она, а не сон, из тех, что мучили меня так часто после ее отъезда, из тех, в которых я видел Мию четко, как наяву, и хотел поцеловать ее или прижать к себе, но просыпался – а ее уже не было рядом.

Но я не могу до нее дотронуться. Такой привилегии у меня больше нет. Хотя все и случилось против моей воли, но тем не менее. К слову о воле – мне приходится изо всех сил контролировать свою руку, чтобы она не дрожала и вообще не превратилась в отбойный молоток.

Пол кружится, меня будто затягивает какой-то водоворот, мне страшно хочется принять таблетку, но сейчас это невозможно. Я стараюсь дышать ровнее, чтобы предотвратить паническую атаку, тщетно двигая челюстью и пытаюсь произнести хоть слово. Такое ощущение, будто я оказался на сцене один, без группы, без оборудования, забыл все песни, а на меня смотрит миллионная толпа. И мне кажется, что я стою перед ней, Мией Холл, бессловесный младенец, уже битый час.

Когда мы с ней только встретились в школе, я заговорил первый. Я спросил, что она только что играла. С этого простого вопроса все и началось.

На этот раз спрашивает она.

– Это действительно ты? – И голос все точно такой же. Хотя не знаю, почему я ждал, что он изменится, разве только потому, что изменилось все.

Но этот голос резко возвращает меня обратно к реальности. Реальности трех прошедших лет. Так много требуется сказать. Куда ты делась? Ты обо мне вообще думала? Ты меня уничтожила. Ты сама в порядке? Но я, разумеется, ничего такого не говорю.

Я чувствую, как колотится сердце, как звенит в ушах, и чуть не начинается. Но, как ни странно, когда я уже оказываюсь на грани панической атаки, включается какой-то механизм самосохранения, тот самый, благодаря которому я выхожу на сцену к тысячам незнакомцев. Я как будто отстраняюсь от самого себя, отхожу на задний план, меня охватывает спокойствие, а на передний выходит другой человек.

– Собственной персоной, – как будто нет ничего естественнее того, чтобы я пришел на ее концерт, а она вызвала меня в свое святилище. – Концерт удался, – добавляю я, поскольку это кажется тоже уместным. К тому же это правда.

– Спасибо, – говорит Мия, а потом вся съеживается. – Я просто поверить не могу, что ты тут оказался.

Я вспоминаю те три года, когда Мия буквально запрещала мне к ней приближаться, а сегодня я этот запрет нарушил. «Но ты же сама меня позвала», – хочу сказать я.

– Ага. Вообще в Карнеги-холл всякий сброд пускают, – отшучиваюсь я. Хотя я так нервничаю, что моя колкость звучит скорее мрачно.

Мия разглаживает руками юбку. Она уже сменила строгое черное платье на длинную волнистую юбку и рубашку без рукавов. Потом она качает головой, чуть подается ко мне с таким хитрым лицом.

– На самом деле нет. Панкам сюда вход воспрещен. Ты что, не видел предупреждение на входе? Я вообще удивляюсь, что тебя не арестовали, как только ты оказался в фойе.

Мия пытается ответить на мою дурацкую шутку, и, с одной стороны, я ей за это благодарен, рад, что в ней снова проснулось чувство юмора. Но с другой стороны, мне хочется быть жестче, напомнить ей обо всех камерных выступлениях, струнных квартетах и концертах, которые я уже слышал. На которые ходил ради нее. С ней.

– А как ты узнала, что я тут?

– Ты что, смеешься? Адам Уайлд в Карнеги-холле. В перерыве за кулисами все друг другу уши этим прожужжали. Похоже, тут работает куча поклонников «Падающей звезды».

– А я-то думал, что я тут инкогнито, – говорю, глядя на ее ноги. Единственный способ пережить этот разговор – это вести его с босоножками Мии. Ногти у нее накрашены бледно-розовым лаком.

– Ты? Да это невозможно. Ну, как у тебя дела?

Как у меня дела? Ты это серьезно? Я заставляю себя поднять взгляд и впервые смотрю на Мию. Она все так же прекрасна. Хотя красота ее не такая броская, как у Ванессы Легран или Брен Шредер. Она такая скромная, и всегда меня буквально завораживала. Длинные темные волосы сейчас распущены, свободно ниспадают на плечи, все такие же молочно-бледные, покрытые веснушками, которые я раньше так любил целовать. Шрам на левом плече, который некогда был яростным красным рубцом, теперь стал розовым с едва заметным серебристым отливом. В последнее время в татуировках такое модно. Почти даже красиво.

Мия пытается заглянуть мне в глаза, и я боюсь, что мой фасад может рухнуть. Я отворачиваюсь.

– А, да ничего. Хорошо. Очень занят, – отвечаю на ее вопрос.

– Ну да, конечно. Очень занят. У вас турне?

– Ага. Завтра в Лондон.

– А я завтра лечу в Японию.

«В разные стороны», – думаю я, и, к моему удивлению, Мия произносит это вслух.

– В разные стороны, – слова угрожающе повисают в воздухе. Опять вдруг закручивается водоворот. Если я не уберусь отсюда, он поглотит нас обоих.

– Я, пожалуй, пойду, – я слышу, как эти слова произносит тот спокойный парень, который играет роль Адама Уайлда, будто мы с ним стоим в полутора метрах друг от друга.

Мне кажется, что по ее лицу пробегает какая-то тень, но я не уверен, потому что на все мое тело будто накатывают волны, и, клянусь, меня вот-вот вывернет наизнанку. Я уже совсем на грани, но другой Адам все еще работает. Он протягивает Мие Холл руку, хотя меня мысль о том, что мы с ней просто пожмем

друг другу по-деловому руки, угнетает.

Мия смотрит на мою протянутую ладонь, открывает рот, чтобы что-то сказать, но вместо этого просто вздыхает. Лицо затвердевает в чужой маске, и она тоже протягивает мне руку.

Я сжился со своим непрекращающимся тремором настолько, что уже его не замечаю. Но когда мои пальцы касаются Мии, он исчезает, и внезапно все стихает, как прекращается электрический гул, когда кто-нибудь выключает усилитель. Я мог бы стоять так вечно.

Но это ведь не более чем рукопожатие. Уже через несколько секунд моя рука снова свободна, и кажется, что часть своего безумия я отдал Мие – мне чудится, что теперь дрожит ее рука. Но я не уверен, потому что чувствую, как меня сносит быстрым течением.

А в следующий момент дверь ее гримерки уже закрывается у меня за спиной, и я оказываюсь на стремнине, а Мия снова там, на берегу.

5

Я знаю, сравнивать уход Мии с катастрофой, которая лишила ее семьи, – пошло и даже мерзко, но я не могу ничего с этим поделать. Потому что итог для меня тот же самый. Первые недели я не мог в это поверить и просыпался каждый день как в тумане. Это же мне просто померещилось, да? Черт, нет. Потом меня корчило от боли. Как от удара кулаком в живот. Только через несколько недель я осознал все в полной мере. Но в отличие от ее катастрофы – когда я был нужен, когда приходил, помогал, когда она могла на меня опереться – после ухода Мии я остался один. Мне не за кого было отвечать. Так что я опустил руки – все начало разваливаться и остановилось.

Я вернулся домой, к родителям. Взял в охапку кое-какие вещи из «Дома рока» и ушел. Я забил на все. На учебу. На группу. На собственную жизнь. Внезапный безмолвный уход. Я лежал, свернувшись калачиком, на своей детской кровати. Я боялся, что все, кому не лень, начнут колотить в дверь и требовать объяснений.

Но со смертью всегда так. Сопутствующий ее приходу шепоток разносится быстро и далеко, так что все, наверное, поняли, что я уже труп, раз даже на тело никто не зашел посмотреть. Только несдающаяся Лиз продолжала появляться раз в неделю и приносить сборники музыкальных новинок, которые ей понравились, радостно кладя новый диск на нетронутую стопку.

Родителей мое возвращение как будто бы опечалило. С другой стороны, их расстраивало многое в моем поведении. Мой отец был лесорубом, но эта индустрия начала загибаться, и ему пришлось устроиться на конвейер на заводе электронной аппаратуры. А мама работала в университетской столовой. Для обоих это был уже второй брак, первые оказались просто кошмарными, но детей после них не было, и эту тему никогда не обсуждали; я сам узнал об этом лишь в возрасте десяти лет от дяди с тетей. Я родился довольно поздно и явно неожиданно. И мама любила говорить, что все, что со мной происходило – мое появление, то, что я стал музыкантом, влюбился в девчонку вроде Мии, пошел в колледж, что наша группа так раскрутилась, что я ушел из колледжа, бросил группу, – все было неожиданно. Вопросов по поводу моего возвращения домой они не задавали. Мама приносила мне в комнату еду и кофе на подносике, как тюремному заключенному.

Три месяца я провалялся в постели, жалея, что не впал в кому, как Мия. Так, наверное, было бы проще. Наконец, мне стало стыдно. Я – девятнадцатилетний парень, бросил колледж, живу с родителями, безработный, бездельник, ходячий стереотип. Родители воспринимали все это спокойно, но я стал таким жалким, что меня уже самого начало от этого тошнить. В итоге вскоре после Нового года я спросил у отца, не нужны ли у них на фабрике люди.

– Ты точно уверен, что хочешь этим заниматься? – спросил он. Не этим. Но то, чего я хотел, я получить не мог. Так что я лишь пожал плечами. Они с мамой из-за этого поспорили: она пыталась заставить его отговорить меня от этого.

– Ты разве не хочешь для него лучшей жизни? – доносился ее приглушенный крик с первого этажа. – Чтобы он хотя бы доучился?

– Да речь не идет о том, чего я хочу, – ответил отец.

Так что он поспрашивал у своих, меня пригласили на собеседование, и через неделю я начал работу в отделе ввода данных. С шести тридцати утра до

половины четвертого дня я сидел в комнатухе без окон и печатал цифры, не имевшие для меня никакого значения.

В первый рабочий день мама встала пораньше и приготовила мне столько всего на завтрак, что я даже не смог все это съесть, а вот кофе казался недостаточно крепким. Она стояла возле меня в своем стареньком розовом купальном халате и явно волновалась. Когда я уже собрался уходить, она покачала головой.

- Что такое? - спросил я.

- Ты на завод устроился, - сказала она с торжественным видом. - Это меня не удивляет. Именно этого я и ждала от своего сына. - Я не мог понять, из-за кого она больше расстраивается - из-за себя или из-за меня.

Работа оказалась отстойная, но это было неважно. Умственные усилия там не требовались. Вернувшись домой, я спал до вечера, потом просыпался, читал и снова спал с десяти до пяти утра. Мой график выбивался из ритма жизни всего остального мира, но это меня не смущало.

Какое-то время до этого, в районе Рождества, у меня в душе еще тлел огонек надежды. Потому что изначально Мия планировала приехать домой на праздники. У нее даже был обратный билет на девятнадцатое декабря. И я хоть и понимал, что это глупо, но все же рассчитывал, что она ко мне зайдет, объяснится или, еще лучше, извинится. Может, окажется, что это все было какое-то страшное недоразумение. Может, она ежедневно писала мне по электронке, но письма не доходили, и она придет, злая, что я не отвечал, как она злилась из-за всяких глупостей, например, из-за того, что я сказал или не сказал ее друзьям.

Но декабрь как начался, так и кончился, такой же монотонно-серый, хотя с первого этажа порой доносились рождественские песни. А я лежал в кровати.

Только в феврале ко мне пришли.

- Адам, Адам, к тебе гости, - сказала мама, тихонько стуча в мою дверь. Обычные люди в такое время ужинают, а я дрых, для меня это время все равно что полночь. В полубреду я подумал, что это Мия. Но, подскочив, по несчастному лицу мамы я понял, что новости невеселые. - Ким! - объявила она с деланой

радостью.

Ким? С лучшей подругой Мии я тоже не общался с августа, когда она уехала в бостонский колледж. И вдруг до меня дошло, что она своим молчанием предала меня точно так же, как Мия. Хотя мы с Ким не дружили, даже когда я встречался с Мией. По крайней мере до аварии. Я до этого не понимал, что Мия и Ким – они как две в одном, вместе. Если теряешь одну, то теряешь и другую. Хотя как еще могло быть?

Но вот Ким пришла. Это Мия ее подслала? Ким неловко улыбалась. Она обнимала саму себя за плечи, словно пытаюсь укрыться от влажной ночи.

– Привет. С трудом тебя отыскала.

– Я там же, где и всегда, – ответил я, скидывая одеяло. Увидев, что я в одних трусах, Ким отвернулась, пока я натягивал джинсы. Я взялся за сигареты – курить я начал за несколько недель до этого. По-моему, на заводе все курили. Это был единственный повод сделать перерыв. У Ким от удивления глаза на лоб полезли, будто я пистолет достал. Я отложил пачку.

– Я думала, что ты в «Доме рока», ходила туда. Видела там Лиз с Сарой. Они меня ужином накормили. Я с радостью с ними пообщалась, – Ким смолкла и принялась осматривать мою комнату. Мятые нестиранные простыни, закрытые шторы. – Я тебя разбудила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/geyl-forman/kuda-ona-ushla/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными

картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Лестер Уильям Полсфусс (1915–2009) – американский гитарист-виртуоз, один из изобретателей электрогитары Gibson Les Paul, которая стала символом рок-музыки.

2

Неофициальный релиз, подпольно выпущенный сборник или концертная запись.

3

Имеется в виду музыкант Боб Дилан.

4

Американская рок-певица, автор-исполнитель, гитаристка.

5

Концертный зал в Нью-Йорке, одна из самых престижных площадок для исполнения классической или, например, джазовой музыки.

6

Йо-Йо Ма (р. 1955) – американский виолончелист китайского происхождения.

7

Джувьярдская школа – одно из крупнейших американских высших учебных заведений в области искусства и музыки. Расположена в Нью-Йорке.

8

День труда празднуется в США в первый понедельник сентября.

9

Эдуард Уильям Элгар (1857–1934) – английский композитор романтического направления.

Джон Милтон Кейдж (1912–1992) – американський композитор, філософ, поет, музикознавець, художник.

Купити: <https://tellnovel.com/geyl-forman/kuda-ona-ushla-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)